

Экзамен по английскому остался позади, и Чу Лянь вернулась в общежитие.

В комнате царил хаос, напоминающий мусорную свалку. Окончание экзаменов означало конец семестра и начало летних каникул. Иногородные соседки, едва сдав последний тест, тут же бросились собирать чемоданы. Чу Лянь замерла посреди комнаты, не зная, стоит ли ей тоже начинать сборы.

Если она вернется домой на лето, то только к матери. Она до сих пор не была знакома с новым парнем матери, но стоило ей уехать, как этот тип наверняка тут же обоснуется в их доме. Жить под одной крышей с незнакомым мужчиной средних лет — перспектива, от которой бросало в дрожь.

Что касается отца, то его дом давно перестал быть для нее родным. Это было жилище отца, тети Сяо Чжан и брата-аутиста. Она могла бы прийти туда в качестве гостя, исполнить свой долг вежливости, а затем — поскорее убраться восвояси.

Съемная квартира Линь Юйлин тоже не была ее домом, потому что они расстались, и Линь Юйлин выставила ее за дверь. Последним жестом нежности, который она оставила бывшей возлюбленной, был пакет с остывшими острыми раками.

Казалось, у Чу Лянь вообще не было своего дома.

Возможно, она могла бы прибиться к Е Лицин, но, даже если та из жалости приютит ее, она никогда не сможет стать частью ее жизни. Она не умела поворачивать время вспять и не могла заставить других видеть мертвецов. Она станет для Е Лицин лишь обузой.

Пока она предавалась этим печальным мыслям, дверь общежития отворилась. Вошла Линь Юйлин и холодно взглянула на Чу Лянь.

— Чу Лянь, выйди, нам надо поговорить.

Чу Лянь не горела желанием вести беседу: это неизбежно означало сигареты Линь Юйлин, ее слезы, визгливые нотки в голосе и бесконечные цитаты из Шутин. Но, видя, как соседки одна за другой навестили уши, она покорно последовала за ней.

Они дошли до самого конца коридора. Там находился крошечный круглый балкон, а рядом — умывальня. Место было тихим и как нельзя лучше подходило для выяснения отношений после разрыва.

Линь Юйлин скрестила руки на груди:

— Это важно?

— Послушай, мы всё равно поссоримся, — слезы покатались по щекам Линь Юйлин. — Ты совсем не та, что была раньше.

— Короткая стрижка, очки в черной оправе, лицо немного круглое, на вид лет двадцать-тридцать, с сумкой для ноутбука — довольна? — голос Линь Юйлин снова задрожал от возбуждения. — Чу Лянь, это твоя главная проблема. Ты вечно цепляешься за какую-то ерунду и никогда не понимаешь, что на самом деле важно.

Эти слова заставили Чу Лянь почувствовать себя неловко. Впрочем, не беда: эта соседка — не та соседка, и Линь Юйлин ничего не знала о существовании Е Лицин. Она не могла догадаться, зачем Гу Чэн сочинила ту небылицу о доме с привидениями — скорее всего, просто ради своего дурного вкуса.

Помолчав несколько секунд, Чу Лянь произнесла:

— Мне пора. Нужно собирать вещи, отец скоро приедет за мной.

— Тебя волнует только то, как выглядит соседка! — повысила голос Линь Юйлин.

— Я несколько раз видела, как ты ходишь к тем людям по соседству, Шутин тоже видела, — с тревогой в голосе продолжила Линь Юйлин. — В прошлый раз я постучала, но никто не открыл. А потом проходила мимо соседка и сказала, что в той квартире кто-то покончил с собой, и с тех пор там никто не живет. Она еще советовала мне не ходить в ту часть коридора, чтобы не увидеть чего-то нечистого.

— Да ничего такого... просто готовилась к экзаменам, больше ничего, — ответила Чу Лянь.

— Я знаю, что ты беспокоишься обо мне...

Спасибо Линь Юйлин за урок риторических вопросов.

Чу Лянь моргнула.

Линь Юйлин схватила ее за руку и зарыдала еще сильнее. Слезы висели на подбородке, как капли дождя под карнизом:

— Мы правда закончили? Я чувствую это по твоим словам. Ты ненавидишь меня? Я знаю, что ненавидишь. Ты вообще понимаешь, что такое любовь? Ты совершенно ничего не понимаешь. Думаю, у нас больше нет будущего, правда, нет.

— Это важно. Я очень хочу знать, как она выглядит.

Чу Лянь хотела возразить, что они вовсе не ссорятся — это лишь односторонний выпад Линь

Юйлин. Но ей совсем не хотелось продолжать этот спор.

— Та соседка, о которой ты говорила, как она выглядит?

Линь Юйлин посмотрела на балконную ограду, вероятно, прикидывая, не скинуть ли Чу Лянь вниз через плечо. Спустя несколько секунд она тяжело вздохнула.

— Что с тобой в последнее время происходит? — спросила Линь Юйлин, как только они вышли. Тон ее звучал не как упрек, а скорее как беспокойство.

Это была наглая ложь. Ее отец не приедет за ней на Порше, Мерседесе или Вольво. Даже если бы ей очень хотелось домой, единственным транспортом для нее оставался многомиллионный суперкар — городской автобус.

— Прости, — сказала Чу Лянь.

Возможно, это был первый и последний раз, когда она сказала Линь Юйлин прости.

Слезы Линь Юйлин упали на ткань ее футболки. Она крепче сжала руку Чу Лянь, та почувствовала, как ногти вонзаются в кожу, но в конце концов хватка ослабла — словно перед лицом неизбежной судьбы и неумолимого времени.

Перед уходом Линь Юйлин с силой толкнула Чу Лянь, та пошатнулась. К счастью, она стояла далеко от перил, иначе полетела бы вниз, а если бы при этом задела случайного прохожего, на свет появился бы еще один старый хрыч.

Чу Лянь посмотрела в небо и вздохнула. Она сделала два вывода: во-первых, лесбиянки склонны к излишней драматизации, а во-вторых, лесбиянки после разрыва склонны к ней еще больше.

Если бы у нее был выбор, она не знала, стала бы снова дружить с Линь Юйлин в старшей школе, сжимать ее руку во время просмотра фильма ужасов или тянуться к ее молодым, алым губам при просмотре кино про ботаников.

Взглянув вниз, она увидела, что Е Лицин стоит на пустой площадке. Заметив Чу Лянь, она улыбнулась и помахала ей рукой.

Чу Лянь едва не сиганула с балкона, но здравый смысл удержал ее: она знала, что правильный способ спуститься — это лестница.

— Сестренка Е! — Чу Лянь побежала вниз. Солнце клонилось к закату, Е Лицин была так же прекрасна, как и годы назад. Время не властно над ее лицом — оно лишь погружает Чу Лянь в

омут нежных воспоминаний.

— Я подумала, раз ты закончила экзамены, мы могли бы вместе поужинать. У тебя есть время?
— спросила Е Лицин.

Чу Лянь закивала, и Е Лицин, улыбнувшись, взяла ее под руку. Уже уходя, Чу Лянь почему-то обернулась и посмотрела на то место, где только что стояла на балконе.

Там стояла Линь Юйлин, глядя на нее с ненавистью. В тот же миг мышцы на ее лице посерели, кожа обвисла и запала, глаза превратились в пустые черные дыры, губы исчезли, обнажив белые зубы. Всего секунда — и Линь Юйлин превратилась в скелет.

Чу Лянь судорожно вдохнула. Но когда она снова посмотрела туда, балкон был пуст. Ни скелета, ни Линь Юйлин, ни злого рока.

— Напутала, — пробормотала Чу Лянь.

Она не знала, почему сказала это.

Е Лицин припарковала машину у ворот университета. На лобовом стекле уже красовался штраф за неправильную парковку, но она даже не взглянула на него, садясь за руль. Машина тронулась, и длинная квитанция затрепетала на ветру, словно погребальный флаг.

Чу Лянь рассказала, как после смерти старого хрыча видела человека, выбросившегося из окна, и как тот обернулся и заговорил с ней. Рассказала о странных звуках во время аудирования и о том, как только что видела, что Линь Юйлин стала скелетом. Е Лицин слушала молча (хотя на самом деле не так уж и молча — двигатель старого Сантаны ревел нещадно). Когда Чу Лянь закончила, она не спеша заговорила.

Чу Лянь ожидала, что Е Лицин начнет ее утешать, или предостережет, или начнет анализировать, какая нечисть к ней прицепилась. Она бы не удивилась, если бы та заявила: гадаю по пальцам, вижу, что через три дня тебя ждет кровавая расправа.

Но Е Лицин лишь переключила передачу и спокойно произнесла:

— Это были галлюцинации.

Помедлив, она добавила:

— Сами по себе галлюцинации не могут причинить вреда, но они — оружие, которым тебя могут ранить. Пока ты не поддаешься их влиянию, ты в безопасности. Люди с сильной волей и ясным умом всегда отличают вымысел от реальности.

Чу Лянь сжалась на пассажирском сиденье:

— Я не сильная и не умная.

Е Лицин ответила:

— Самокритичность — тоже неплохое качество.

Чу Лянь лишь спустя время поняла, что Е Лицин пошутила. Шутка ей понравилась — милая, в духе Е Лицин, куда лучше, чем язвительные насмешки Гу Чэн.

Е Лицин свернула в переулок, попетляла по нему и остановилась перед рядом ветхих одноэтажных домиков. Она провела Чу Лянь через неприметную дверь без вывески, за которой скрывался целый мир: изящный дворик с искусственными горами, ручьями, причудливыми деревьями и извилистыми тропинками.

Их встретил молодой человек — по всему было видно, что они с Е Лицин давно знакомы. Он радушно проводил их в комнату. Внутри всё было обставлено в старинном стиле, стоял лишь один стол. Чу Лянь поняла, что это то самое легендарное частное заведение, где подают еду только для одного стола.

Е Лицин села и спросила:

— Что хочешь съесть?

Чу Лянь пришла в голову шальная мысль: интересно, как бы отреагировала Е Лицин, если бы она попросила хлеб, икру или соленые огурцы? Но Е Лицин быстро сказала молодому человеку:

— Как обычно.

Тот спросил:

— Барышня уже совершеннолетняя, будет вино? Мисс Гу оставила здесь бутылку.

Чу Лянь только хотела сказать, что пьет, как Е Лицин отрезала:

— Нет.

Когда мужчина ушел, Е Лицин посмотрела на Чу Лянь:

— Раньше я только слушала тебя, но сегодня вечером, готова ли ты выслушать то, что я хочу рассказать?

Чу Лянь была только рада.

Вскоре принесли еду. Никакого хлеба или огурцов — только домашние закуски: жареный корень лотоса, маринованная спаржа. Блюда выглядели изысканно, но на вкус оказались обычными. Вероятно, Е Лицин привела ее сюда из-за тишины и уединенности, располагающих к беседе.

<http://bllate.org/book/21516/2207296>